

Ни врать, ни обобщать

Григорий
ПОЖЕНЯН

О ВОЙНЕ надо рассказывать то, что было. Мы не философы, и склонность к обобщениям ни к чему. Я хочу сказать, что война была лучшим временем в моей жизни, несмотря на то что там убивали, и ты начинал привыкать, что убивают лучших. Всю первую половину войны я был диверсионным разведчиком. Профессия особая, и смертность у нас была большая. Первые наши десанты были неудачными, но люди, уходя на задание, прощались друг с другом сдержанно и относились ко всему спокойно. Казалось, что война будет бесконечно, и выхода у тебя не было: либо убьют, либо ранят. И даже самые храбрые из нас по ночам мечтали о ранении. Для меня ночи складывались из мыслей о том, куда бы меня ранило. В зад — стыдно. В живот или в голову —

операцией группа захвата получила увольнение в город. И знаете, все знакомства с женщинами в этот вечер были неудачными. То у нее мама дома, то она сама в ночь работает, то не до поцелуев, то еще что-то...

Два слова насчет наград. Поскольку наград под конец войны было бесконечное множество, особенно у нас, у разведчиков, у катерников, то носили их уже избирательно. И вдруг в Ялте, откуда уходили катера для броска на Севастополь, появилась афиша: «Выступает поэт-орденоносец Александр Жаров». «Поэт-орденоносец» в городе, где у всех наград до пупа? Все начали гадать: может, у него сто орденов, или только ордена Ленина, или одни «Знамена»? Все терялись в догадках. И все купили билеты на этот вечер, чтобы посмотреть, что это за человек? Пришли, увидели на нем орден «Знак почета», и зал опустел.

Никогда больше я не ощущал такой дружбы между людьми, никогда не ощущал такой своей необходимости и своей правды. И никогда в жизни я не видел

Аплодировали и смешному, и грустному...

смертельно. Значит, в руку. Свою левую руку я отдавал за просто. В ночных фантазиях я выходил в город без левой руки. То в протез ее наряжаю, то без протеза и т.д. А утром все начиналось сначала, и я делал вид, что ночью это был не я, а я вполне соответствую всему, что происходит.

Потом пришло время настоящей проверки. Надо было дать воду в Одессу. Обеспечивало эту операцию множество людей, а шли четырнадцать человек, потому что столько могло поместиться в канализационной трубе. Дивизионный комиссар Азаров, ставивший задачу, на вопрос «А как мы будем возвращаться?» — ответил: «А как вы можете вернуться? Вы затопите котлы, из трубы пойдет дым, вы себя демаскируете, а воду надо держать... Все зависит от удачи». И перед

такого количества прекрасных людей, как у нас в отряде. Те, которые погибли, были храбрее нас, поэтому они и погибли. Они были чище нас. Они были лучше и красивее нас.

сочная сарказм, — 1998, — 28 мая — 3 июня — с. 16